

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭЛИТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 ГГ.

советском научном и общественно-политическом «лексиконе» не было понятия «элита». Согласно официальной точке зрения, в обществе «реального социализма» отсутствовали (или были маргинальными) отношения типа «элита-масса», «господство-подавление». Вместе с тем, 1960-80-е гг. стали тем периодом советской истории, когда замедлились социальные лифты, и отчетливо проявилась иерархичная (квазиклассовая) социальная структура социализма. Социальной причиной, генерировавшей неравенство, было неравномерное распределение властного (политико-административного) ресурса. Привилегированный слой («новый класс», элиту) составляли лица, занимавшие руководящие посты в системе партийно-государственной власти и управления.

Организационной основой для «сборки» и функционирования советской элиты был аппарат КПСС, обладавший наибольшей субъектностью среди политических структур. Партийно-политическая элита (номенклатура), первоначально представавшая монолитом, в «поздний» период советской истории фрагментировалась, распадалась на «фракции» – партийно-пропагандистскую, технократическую, региональную и другие «субстраты» правящего класса. Конкуренция за ресурсы, взаимодействие, конфликты этих групп элиты были одной из линий эволюции региональной системы власти в «позднесоветский» период.

По итогам «великого десятилетия» (условное обозначение правления Н.С. Хрущева) существенно возросла «самодеятельность» (субъектность) региональной партноменклатуры. Из «протоэлиты» она превратилась в основного инициатора и «проектанта» социально-хозяйственного развития региона. Был устранен внешний (внеаппаратный) контроль со стороны диктаторской власти, дисциплинировавшей партноменклатуру, принуждавшей ее работать в режиме напряжения, мобилизационного развития. В течение 1950-60-х гг. изменился преобладающий (модальный) тип личности в среде партийно-хозяйственной номенклатуры. «Солдата партии» сталинского периода – аскетичного, индоктринированного, привычного к мобилизациям, авральным мероприятиям – сменил функционер, склонный к бюрократической рутине, аппаратному стилю работы. Формированию региональной управленческой среды способствовало создание совнар-

* © Мякотин А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 2014 г.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)».

хозов (1958-1964 г.). Эта реорганизация переместила центр хозяйственного управления в среднее звено власти. Одним из её результатов стало расширение личных контактов, неформальных связей, горизонтальных управленческих «сетей», которые являются важным условием функционирования элиты, основой её самоорганизации.

Наиболее динамичной частью «управленческого класса», последовательно повышавшей свой корпоративный статус, расширявшей численный и должностной состав, являлась хозяйственная элита. На рубеже 1960-х гг. количественный рост местной партхозноменклатуры происходил, в том числе, вследствие сокращения номенклатуры ЦК. Отчасти он был обусловлен неспособностью учетного аппарата ЦК «освоить» информацию о многочисленных парторганизациях. Однако главной причиной было технико-экономическое развитие, увеличение числа объектов управления, требовавшее, в свою очередь, усложнения управляющей системы. Так, в 1958-1965 гг. объем промышленного производства в Куйбышевской области увеличился более чем в 2 раза, в том числе на предприятиях, подведомственных областным властям – в 1,7 раз; было вполнину сокращено количество рабочих, занятых малоквалифицированным ручным трудом¹. Соответственно, расширялись управленческие штаты, номенклатура руководящих должностей. Большая часть руководителей-«хозяйственников» была охвачена номенклатурой ЦК и местных парткомов. В номенклатурную «обойму» входили руководители хозяйственных отделов парткомов, региональных плановых органов, директора крупных предприятий и их заместители. Вместе с тем, принадлежность к хозяйственной элите определяется не только формальным статусом в системе власти, но и ролью (часто не формализованной) в инициировании, разработке, согласовании и принятии решений (программ, планов и т.д.). По этому критерию к региональной элите могут быть с полным основанием отнесены руководители и заместители, ведущие сотрудники научно-исследовательских, проектных институтов, конструкторских бюро, начальники цехов, главные инженеры промышленных и транспортных предприятий, строительных трестов, не входившие в партноменклатуру. Численность хозяйственной элиты можно приблизительно оценить по количеству экономических объектов. Так, в 1970 г. в Куйбышевской области функционировало около 480 промышленных предприятий, 412 колхозов и совхозов². Основная номенклатура Куйбышевского обкома в рассматриваемый период была стабильной и включала 1100-1200 работников (административно-хозяйственные должности составляли 35-40%); учетная номенклатура примерно соответствовала ей по численности³.

Состав хозяйственной элиты определялся содержанием и объемом ее деятельности. В этом отношении 1960-80-е гг. отличались от предыдущего периода, поскольку был завершен «рывок к индустриализму». Решались задачи «достраивания» индустриальной экономики, а также «инсталлирования» автоматизированных (информационных) технологий. Руководящая деятельность в этих условиях требовала более сложного информационно-

го (интеллектуального) обеспечения. Расширение административно-хозяйственной элиты происходило не только по формальным критериям (увеличение числа должностей), но и по существу, поскольку в подготовку, экспертизу и утверждение управленческих решений вовлекалось всё большее число специалистов.

В период, начавшийся с десталинизацией, изменился механизм принятия решений. Предельно централизованный, командно-директивный способ разработки и исполнения планов (решений, программ) был заменен системой «бюрократического торга», когда плановые показатели, директивы были результатом внутриаппаратного, «кулуарного» согласования. Роль управленца в этом «теневом» механизме выработки решений определялась не только его должностью, но и, в большей степени, личными контактами, связями. В этой системе инициатива не всегда исходила от союзного центра; напротив, основным инициатором (соответственно, и автором) программ (планов, проектов) регионального развития были местные власти. Проекты, разработанные на региональном уровне, отличались большим количеством экономических параметров, учетом местных ресурсов, рисков и резервов роста, диспропорций в развитии региона. Для воздействия на центральную власть с целью принятия своих предложений, программ региональные руководители использовали набор средств, в том числе внеинституциональных: обращения, докладные записки в ЦК, личные встречи с руководителями министерств и ведомств, постановления областных партийных конференций, публикации в центральной и местной печати. Вероятность одобрения/утверждения была тем выше, чем более концептуальный, системный характер носил проект. В «команду проекта» часто входили сотрудники, единственной задачей которых было «пробить» его в центре; наибольшими возможностями в этом отношении располагали секретари областных парткомов.

Утвержденные планы (постановления, резолюции и т.д.) не являлись императивом, требующим выполнения «любой ценой»; они могли быть скорректированы в сторону снижения. Появление «обратной связи» при выполнении правительственных решений, возможность их пересмотра и повторного согласования, была показателем «суверенитета» региональных хозяйственных руководителей, превращения их из «винтиков» в субэлиту. В позднесоветский период невыполнение правительственных директив уже не грозило арестом или даже потерей должности. Во второй половине 1960-х гг. командно-административная система управления экономикой (и кадрами) была в основном демонтирована; ее заменила система бюрократического квазирынка.

Усиление позиций хозяйственного руководства (в противовес идеологам) в последние советские десятилетия проявлялось в повышении престижа его деятельности. Партийно-государственное управление последовательно проникалось технократическими ценностными установками. Идеологическая (ценностно-рациональная) мотивация хозяйственной политики была вытеснена прагматической. Партийная идеология утратила «пассио-

нарный» заряд, вступив в противоречие с реалиями «развитого социализма». Кроме того, ее «притягательность» более не поддерживалась репрессивными мерами. В среде номенклатуры периода «застоя» было типичным отношением к пропаганде как «шелухе». Неизмеримо большее значение придавалось организационно-хозяйственной деятельности, связанной с распоряжением «реальными» ценностями.

Одним из принципов рекрутирования в партийно-государственный аппарат было выдвижение работников с опытом производственной деятельности. Этот этап карьеры – распорядительная деятельность на производстве – был обычно недолгим, «стартовым», но, тем не менее, почти обязательным для партийно-номенклатурных работников. Рост удельного веса управленцев, выдвинутых «от производства», подтверждает, например, такой факт: в 1965 г. из 354 председателей колхозов 205 (57,9%) – на 10% больше, чем десятилетием ранее – являлись специалистами сельского хозяйства⁴. В числе приоритетов номенклатурно-кадровой политики было повышение образовательного уровня руководителей; для каждого уровня управления существовал образовательный ценз, хотя он не был четким и формализованным. Так, в 1971 г. в составе основной номенклатуры Куйбышевского обкома КПСС 87,7% работников имели высшее образование (в основном экономическое или политехническое), свыше 98% являлись специалистами народного хозяйства. Среди секретарей горкомов и райкомов 94,3% составляли сотрудники с высшим образованием; почти половина имела партийно-политическое образование. На низовом уровне, среди секретарей «первичек», доля лиц с высшим образованием, включая неоконченное, была гораздо ниже – 43%⁵.

Образование, особенно партийно-политическое, представляло собой неявную форму социального контроля. Оно обеспечивало усвоение идеологием, схем (стереотипов) восприятия общественно-политических явлений. Поэтому комитеты и ячейки КПСС стремились вовлечь коммунистов в непрерывный процесс идеологической подготовки, включая самообразование. Например, в 1966/67 г. в Куйбышевской области в кружках, семинарах, школах марксизма-ленинизма обучались более 170 тыс. человек⁶. Высшие партийные школы представляли собой институт – единственный в своем роде – политической социализации партийной номенклатуры. В результате политобразования номенклатурщики усваивали официальную фразеологию (новояз), теоретические догматы. Однако не происходило принятия (интериоризации) целей, провозглашенных идеологией. Вместо добродетелей «строителя коммунизма» партхозноменклатура демонстрировала потребительство и крайний цинизм. Расхождение между нормативными и реальными качествами партийной элиты было показателем далеко зашедшего, необратимого разложения социалистической системы.

Работа с номенклатурными кадрами была основана на «презумпции» вузовского образования, его положительной связи с управленческой компетентностью и качеством государственных решений. Поэтому сведения о росте образовательного уровня руководящих работников приводились в

официальных отчетах как показатель успеха партийной политики, в одном ряду с данными о расширении производства, росте товарооборота и т.д. Результаты деятельности региональной элиты в последние «советские» десятилетия, отмеченные стагнацией и распадом, свидетельствуют, скорее, об отсутствии линейной зависимости между образованием и административной эффективностью. По-видимому, уместно ввести такой параметр, как «коэффициент полезности», характеризующий соотношение между интеллектуальным потенциалом власти и эффектом от реализации её решений; в рассматриваемый период он снижался. Для управленцев регионального звена вузовское образование, кроме прочего, входило в «статусный набор», т.е. было одним из атрибутов принадлежности к высшей социальной стратификации. Более высокий интеллектуальный уровень власти в сравнении с управляемым обществом является (особенно в идеократии советского типа) условием её стабильного функционирования, лояльности к власти активного населения. Тем не менее, в последние десятилетия советской власти образовательный уровень населения рос быстрее, чем партийного руководства. На вершине центральной и, в меньшей степени, региональной власти в этом отношении наметился застой и даже деградация, что стало одной из причин идеологического кризиса советского общества.

Важным «вектором» кадровых изменений в региональном звене управления было увеличение доли работников с техническим образованием, в кадровой отчетности проходивших как «инженеры». Эту тенденцию можно обозначить как экспансию технократов в системе власти; расширение административно-хозяйственного сегмента местной элиты. «Производственники», преобладавшие в советских и хозяйственных органах, расширяли свое представительство в партийных комитетах. Они практически подчинили своим интересам местный партаппарат, используя лоббистские возможности секретарей парткомов для проведения в союзном центре своих проектов, предложений, программ и т.д.

Проекты отделения партии от государственных структур, ограничения её деятельности специфическими кадровыми и идеологическими функциями были оставлены на рубеже 1950-х гг. Усиливалась противоположная тенденция – взаимопроникновение партийного и хозяйственного управления, их целей и – отчасти – кадрового состава. Критерии кадрового подбора в партийных комитетах и в руководстве промышленностью существенно не различались. В партийный аппарат продвигались работники, у которых организационно-хозяйственные навыки преобладали над общеуправленческой компетенцией. Практика введения в партийные органы специалистов народного хозяйства – рациональная, экономически обоснованная – приводила к усилению вмешательства партийных органов в хозяйственную «текучку», более «плотной» опеке над технократами. «Гипертрофия» хозяйственных функций снижала эффективность основной деятельности – работа с кадровым резервом, учет и расстановка номенклатурных кадров, социально-политический контроль.

Происходило совмещение двух контуров управления – партийного и хозяйственного, – изначально имевших разное целевое назначение и масштаб. Партийное управление носило более «принципиальный» и долгосрочный характер, в то время как хозяйственное – преимущественно тактический и оперативный. Дублирование функций, неопределенность ответственности советских, хозяйственных и партийных органов управления сыграли свою роль в дезорганизации системы власти, переросшей в конце 1980-х гг. в острейший кризис.

Во второй половине 1980-х гг. для региона и его социальной «верхушки» завершился период политико-экономической стабильности. Были начаты преобразования, радикально переформатировавшие региональную элиту, ее структуру и состав. Если рассматривать результаты деятельности властной элиты в предыдущие («хрущевско-брежневские») десятилетия, то по многим – количественным – параметрам они представляются значительными. Произошли впечатляющие изменения в облике города, социопрофессиональной структуре населения, производственном потенциале региона. В первой половине рассматриваемого периода, с 1960 по 1975 гг., объем промышленного производства в области увеличился в 4,63 раза⁷. Региональная технократия, инициируя экономический рост, тем самым увеличивала свои ресурсы, социальную базу своей власти. Опережающими – по отношению к другим профессиональным группам – темпами росла численность ИТР (специалистов), являвшихся источником комплектования, «питательной средой» для хозяйственной элиты. В течение пятнадцати лет (1960-1975 гг.) их количество увеличилось в 2,6 раз⁸. Однако механизм хозяйственной деятельности, адекватный раннеиндустриальной эпохе, ставил пределы социально-экономическому развитию. В парадигме «социалистической модернизации» успешно решались задачи количественного роста и создания единичных образцов высокотехнологичной, инновационной продукции. Даже в период расцвета, системного апогея советского социализма – на рубеже 1950-60-х гг. – развитие происходило в основном за счет экстенсивных факторов. В годы семилетки (1959-1965 гг.) только 10% роста в тяжелой индустрии – «флагмане экономики» – Куйбышевской области были вызваны повышением производительности труда⁹. Уже в начале рассматриваемого периода социально-экономическая динамика резко снизилась. Если в 1959-1963 гг. среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли 12,9%, то в 1964-1965 гг. – 5,9%. Эта «понижательная» тенденция была долгосрочной; особенно она усилилась с середины 1970-х гг. Если во второй половине 1960-х гг. промышленность региона выросла на 75,5%, то в 1976-1980 гг. – всего на 20%. Основные фонды росли быстрее объемов производства, т.е. снижалась эффективность использования технологий и оборудования. Например, в 1959-1965 гг. фондоотдача в машиностроении в регионе снизилась на 21%¹⁰. Партийное руководство реагировало на это призывами к парторганизациям глубже вникать в производственные проблемы, уделять внимание внедрению технических новшеств. Многие методы внедрения достижений ИТР носили черты формализма и

даже профанации: создание общественных конструкторских бюро, кружков рационализаторов и изобретателей и т.д. Мобилизационная экономика, развивавшаяся инерционно, по затухающей, не имела потенциала для преодоления постиндустриального барьера, использования результатов микроэлектронной революции. В 1975 г. на промышленных объектах было всего 109 ЭВМ, использовавшихся в основном для автоматизации вспомогательных, учетно-расчетных функций¹¹. Они не влияли на производительность труда, поскольку именно в это время был отмечен значительный рост статистического и канцелярско-бухгалтерского персонала. В 1980-е гг. советская экономика постепенно выходила на «плато», т.е. простое воспроизводство.

Представители технократической элиты, наиболее компетентные в проблемах производства, глубже других понимали системные причины этих негативных явлений. Для хозяйственной элиты наиболее тревожным симптомом было постоянное снижение прироста инвестиций, падение их результативности и, как следствие, ограничение финансовых возможностей руководителей предприятий. Так, в 1970-е гг. размер фондов материального стимулирования увеличился на 9,4 млрд. рублей, в первой половине 1980-х гг. – всего на 2,4 млрд. руб.¹² В среде хозяйственников не было выработано артикулированных требований, тем более комплексной программы экономических реформ. Существовало подспудное мнение, что «нужны перемены»; также характерным было стремление ограничить опеку со стороны парткратии. Тем не менее, первый этап перестроечных преобразований – «ускорение» – прошел практически под диктовку технократов. Он представлял собой нереалистичную попытку в кратчайшие сроки поднять технологический базис на передовой уровень путем издания директив и маневра инвестициями. В Куйбышевской области одним из центральных лозунгов «ускорения» было «сделать АвтоВАЗ законодателем мод в мировом автомобилестроении». Политика «ускорения» разбалансировала экономику и была быстро свернута. В дальнейшем партийное руководство, охваченное «зудом реформ», сделало акцент на политических преобразованиях («гласность»). В 1988 г. впервые прошли альтернативные выборы советских, а затем и партийных органов. По итогам выборов самую малочисленную категорию составили топ-менеджеры, значительно уступившие советским и партийным работникам, представителям интеллигенции. Материально-финансовые возможности, которыми располагали хозяйственники, на выборах имели меньшее значение, чем социальная демагогия и властный ресурс. Кроме того, в первые годы «перестройки» директора, воспользовавшись расширением автономии предприятий, существенно увеличили свои доходы; это не добавило им популярности. В 1989 г. хозяйственная элита реализовала одно из главных своих стремлений – освобождение от партийной «надстройки»; в парткомах были упразднены экономические отделы. Вместе с тем, распад системы власти, начавшийся с ограничения функций КПСС, нарастание проблем в экономике, радикальная критика советского опыта, упадок идеологии и связанных с ней долгосрочных це-

лей дезориентировали экономическое руководство. В условиях разрушения социума элита стала ориентироваться на индивидуальные и групповые, а не «системные» цели. Обогащение, в т.ч. полуправильными средствами, становится практически единственным мотивом деятельности. Для этого на рубеже 1990-х гг. имелись немалые возможности: создание совместных предприятий, получение льготных кредитов, приватизация прибыльных предприятий, получение привилегий в экспортно-импортных операциях, организация кооперативов при госпредприятиях и др. Квинтэссенцией материальных интересов топ-менеджмента было изменение своего статуса распорядителя государственного имущества на собственника. В этом состояла суть социально-экономических преобразований первой половины 1990-х гг., «заказчиком» и бенефициаром которых являлась административно-хозяйственная элита.

Примечания

¹ Промышленное развитие Куйбышевской области (1959-1965 гг.): Сборник документов. Куйбышев, 1989. С.8.

²Куйбышевская область: историко-экономический очерк. М., 1983. С.301.

³СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.147. Л.68-69.

⁴Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. С.376.

⁵СОГАСПИ. Ф.656. Оп.124. Л.44.

⁶ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. С.379.

⁷Куйбышевская область: историко-экономический очерк. М., 1983. С.257.

⁸Там же. С.224.

⁹СОГАСПИ. Ф.656. О.141. Л.16.

¹⁰СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.145. Л.31об.

¹¹СОГАСПИ. Ф.656. Оп.150. Д.4. Л.21; Оп.149. Д.3. Л.137.

¹²Невейницына Е.Д. Роль технократической элиты в советском обществе. 1960-80-е гг. (региональный аспект): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 120.